

МОСКОВСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ

Въ зарисовкахъ Бориса Григорьева.

Слѣва: Москвинъ въ роли штабсъ-капитана Снигирева («Братья Карамазовы»).

Справа: Вишнеvesкій въ роли Бориса Годунова («Царь Федоръ Иоанновичъ»).

линии театра, не мѣняли ему развѣваться, крѣпнуть, служить «высшимъ запросамъ духа», о которыхъ толковали Горькому художественники. Во сколько же разъ больше досталось ему отъ той власти, при которой, по словамъ замѣтки, онъ расцвѣлъ!

Первымъ, какъ мы видѣли, заманулся Горькій, требуя бойкота; съ воцареніемъ большевизма, въ театрѣ являлся комиссаръ, чтобы удостовѣриться въ благонамѣренности новыхъ пьесъ, какъ это мнѣ рассказывалъ только что прѣхавшій тогда изъ Россіи Н. О. Баліевъ, и одна изъ трехъ главнѣйшихъ задачъ театра — строгій выборъ репертуара — исчезъ; театр началъ ставить совѣтскія пьесы.

Подневольный театр сталъ питаться творчествомъ подневольныхъ авторовъ, вести «проповѣди опредѣленныхъ идей», съ чѣмъ онъ когда то не хотѣлъ мириться.

Условія жизни отразились и на самой игрѣ. Съ глубокой печалью видѣли мы во время прѣздовъ театра въ Парижъ, полнявшія краски, утомленіе, и отсутствіе прежней священнодѣйственной дисциплины.

— Намъ всячески приходилось халтурить, — говорилъ мнѣ покойный Лужскій. — чтобы заработать на жизнь, нужно было въ одинъ вечеръ выступать въ нѣсколькихъ районныхъ театрахъ; въ нетопленныхъ помѣщеніяхъ играть въ шубахъ. Нельзя было гримироваться: краска не ложилась на лицо при такомъ холодѣ...

Теперь, разумеется, условія измѣнились; надо надѣяться, что артисты отдохнули отъ

той страшной жизни и снова набрались силъ, но ..... изъ трехъ привезенныхъ пьесъ двѣ, по словамъ В. И. Немировича - Данченко, рекомендованы... Сталиннымъ.

Очень пикантно, что одна изъ этихъ «рекомендованныхъ», горьковскіе «Враги» была забракована театровъ въ то время, когда власти не считали себя вправѣ «рекомендовать» пьесы, и театр выбиралъ ихъ самъ.

Не нужно было ему тогда вывѣлять по всякому поводу своихъ вѣрнопопдадническихъ чувствъ; не нужно было объявлять въ печати своихъ восторговъ по поводу казней... Иначе онъ себя держалъ. Разрѣшалось даже и дерзить правительству: на капустникѣ выставлялись бюки Шалапина «до грѣхопаденія», съ чистыми колѣнками, и «послѣ грѣхопаденія» — съ запачканными.

Какія бюки могутъ теперь выставить тогдашніе насмѣшники?

Но мы смѣяться надъ ними не будемъ; не будемъ и осуждать ихъ. Слишкомъ выразительны условія тамашней жизни, чтобы языкъ повернулся для осужденія. Кто устоялъ бы?

«Недолгая насъ буря укрѣпляетъ,
Хоть ею мы мгновенно смущены,
Но долгая — навѣки поселяетъ
Въ душѣ привычки робкой тишины».

Будемъ попрежнему любить ихъ и радоваться, если когда - то плѣнявшіе насъ сохранили свои силы, и если новые, молодые, блестящіе яркими талантами и огромной художественной культурой старыхъ художественниковъ.

Сергѣй Яблоновскій.

„ВРАГИ“

Статья С. В. Яблоновскаго, приведенная выше, была написана до начала спектаклей Московскаго Художественнаго театра. По техническимъ причинамъ, мы, какъ еженедѣльное изданіе, могли дать лишь такой, предварительный матеріалъ. Мы охотно дали мѣсто этой статьѣ, какъ принадлежащей перу стараго москвича, публициста и театральнаго критика, знающаго Художественный театр съ первыхъ дней его существованія, слѣдившаго за его развитіемъ, видѣвшаго его достиженія, неудачи, триумфы...

Первый же спектакль «художественниковъ» въ Парижѣ, горьковская пьеса «Враги», вызоветь несомнѣнно въ русской эмигрантской средѣ много разнообразныхъ чувствъ. Здѣсь будутъ и горечь, и разочарованіе, и возмущеніе любимымъ: когда - то театромъ, что онъ унижился до роли, выполняющей задания свыше команды агитаторовъ, будетъ и боль, что какой - то жестокой силѣ удалось захватить и обратить на свои цѣли славный театр. Мы не имѣли возможности видѣть второй объявленной постановки театра «Любовь Яровая» — пьесы еще болѣе агитационнаго характера. Наконецъ, обшана «Анна Каренина», — можетъ быть здѣсь мы увидимъ вновь старый, настоящий Художественный театр?

Все это волнуетъ и мучитъ русскаго эмигрантскаго зрителя — такова ужъ судьба Художественнаго театра, возбуждать «вокругъ себя споры и страсти, и въ этомъ лишнее доказательство его огромнаго художественнаго значенія.

Въ виду всего этого мы еще вернемся къ темѣ о Художественномъ театрѣ и посвятимъ ему и разбору его постановокъ въ Парижѣ специальный и обширный матеріалъ.

Передъ занавѣсомъ „художественниковъ“

Бесѣда съ И. А. Бунинимъ

Лоллія Львова

Прѣздь въ Парижъ Московскаго Художественнаго Театра встрѣчаетъ, конечно, живой откликъ въ русской колоніи въ Парижѣ. Можно не сомнѣваться: русскіе, какъ ни бѣдны они, — въ громадномъ большинствѣ побывають на спектакляхъ «художественниковъ».

Русскіе писатели также, вѣроятно, будутъ на ихъ премьерахъ. — Бунинъ, Тэффи, Зайцевъ, Алдановъ, Ремизовъ, другіе молодые, неизвѣстные еще въ Россіи писатели и тѣ изъ нихъ, кто въ настоящее время въ Парижѣ... Москвичи - артисты на этотъ разъ будутъ играть и передъ той, живой и свободной, русской литературой, о которой въ Россіи строгаише приказано молчать и которую приказопослушнымъ и служилымъ Эренбургамъ и Алексѣямъ Толстымъ, повелѣно поносить и всячески изничтожать въ своихъ фельетонныхъ впечатлѣніяхъ о поѣздкахъ за границу. Такъ впервые, здѣсь въ Парижѣ, послѣ долгихъ лѣтъ произойдетъ встрѣча артистовъ театра Чехова съ свободной и независимой русской литературой.

А между тѣмъ тема связи Московскаго Художественнаго Театра съ русскимъ писателемъ большая и значительная тема. Писатель въ исторіи, въ созданіи Московскаго Художественнаго Театра сыгралъ особую роль. Встрѣча артистовъ съ писателемъ въ стѣнахъ Московскаго Художественнаго Театра была такой, какой нигдѣ и никогда въ другомъ русскомъ театрѣ не бывала. Мы имѣемъ въ виду, конечно, встрѣчу театра съ Чеховымъ... Вотъ почему передъ поднятіемъ занавѣса Московскаго Художественнаго Театра въ Парижѣ намъ показалося и интереснымъ, и обязательнымъ встрѣтиться съ И. А. Бунинимъ, живымъ свидѣтелемъ ни одной изъ этихъ встрѣчъ, и услышать отъ него нѣсколько словъ объ этомъ.

Бунинъ только что возвратился въ Парижъ изъ поѣздки по Швейцаріи. Посвѣжѣлъ и какъ то повеселѣлъ въ лицѣ, словно вдоволь надышавшись чистаго воздуха и отдохнувъ на свободѣ. Мы застали его за рабочимъ столомъ. Онъ разрѣзалъ страницы только что вышедшей изъ печати своей новой книги о Толстомъ «Освобожденіе Толстого» — таково названіе, четко обозначенное на обложкѣ просто, но съ большимъ вкусомъ, изящно изданной книжки. Бунинъ въ хорошемъ, добромъ настроеніи. Онъ оживленъ и разговорчивъ. Какъ то сразу чувствуется, что онъ доволенъ появленіемъ своей книги — всякій, встрѣчавшійся съ нимъ въ минувшую зиму, знаетъ, какъ онъ былъ увлеченъ и поглощенъ своей работой надъ книгой о великомъ русскомъ писателѣ, какъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова, любовно онъ работалъ надъ ней, тщательнѣе подготавливалъ ее и какъ бывалъ охотно разговорчивъ именно на тему о Толстомъ. Но на этотъ разъ нашъ разговоръ долженъ быть о

иниомъ. Поздравивъ его съ появленіемъ новой книги, прежде чѣмъ объяснить, о чемъ «Иллюстрированная Россія» проситъ его поделиться своими воспоминаніями, задаю нѣсколько вопросовъ о совершенной имъ поѣздкѣ.

Бунинъ доволенъ поѣздкой, хотя вовсе не сердитъ на шумный и утомительный Парижъ.

Спрашиваю:

— Видѣли ли вы въ Швейцаріи С. В. Рахманнинова?

И слышу въ отвѣтъ, что вмѣстѣ съ Вѣрой Николаевной онъ побывалъ и у знаменитаго русскаго композитора, какъ разъ только что вернушагося на свою виллу подъ Люцерну съ Адриатическаго побережья.

— Видѣлъ, видѣлъ, — отвѣчаетъ на заданный вопросъ Бунинъ, — мы были у него, въ чудесной усадьбѣ, на берегу Люцернскаго озера, и провели тамъ прекрасный вечеръ. Къ сожалѣнію, на другой же день мы должны были уѣхать...

Но и добродушіе и улыбка какъ-то сразу исчезаютъ съ лица Ивана Алексѣевича, какъ только онъ слышитъ о намѣреніи побесѣдовать съ нимъ о Московскомъ Художественномъ театрѣ. Дѣлается сразу серьезнымъ. И я слышу въ отвѣтъ, что о «художественникахъ» все уже давно сказано и пересказано — все всѣмъ извѣстно, что ничего новаго сказать ему нечего и что самъ, въ сущности, онъ даже до сихъ поръ не знаетъ, будетъ ли на теперешнихъ спектакляхъ.

Нѣтъ, разговоръ нашъ положительно не хочетъ завязаться!

Ставлю банальный, обязательный вопросъ: — Когда и на чемъ вы были въ первый разъ въ Художественномъ театрѣ?

Бунинъ отвѣчаетъ кратко и отрывочно:

— Точно не помню.

Но съ улыбкой прибавляетъ:

— Вообще у меня память очень хорошая, но я всегда многого не запоминалъ, помню только важное, все бесполезное и ненужное память не удерживаетъ...

— Но все же...

— Насколько помню, первое, что я видѣлъ у нихъ былъ «Царь Федоръ Иоанновичъ», или, можетъ быть, это была «Чайка». Ставлю второй обязательный — и тоже уже банальный — теперь вопросъ:

— Что вы скажете о переименованіи Художественнаго театра въ театръ Горькаго?

Бунинъ говоритъ рѣшительно и вѣско, серьезно, какъ бы обдумывая каждое слово:

— Теперь этотъ театр, который и Станиславскій, и Немировичъ - Данченко, да и вся публика, всегда называли «театромъ Чехова», сталъ почему - то называться «театромъ Горькаго». Горькій въ жизни Художественнаго театра игралъ не малую роль. Но почему этотъ разъ нашъ разговоръ долженъ быть о

Чеховскаго въ Горьковскій — непонятно. Такъ же, впрочемъ, непонятно, какъ всегда непонятно для меня переименованіе городовъ. Напримѣръ, Петербургъ былъ основанъ Петромъ Великимъ. Можно какъ угодно относиться къ Петру Великому, но вѣдь городъ все же основалъ онъ, а не Ленинъ. Почему мнѣ «Ленинградъ» и кажется всегда нелѣпостью. Такъ и съ Художественнымъ театромъ, которому присвоили имя Максима Горькаго.

И. А. БУНИНЪ.

Воспоминанія о Горькомъ и Чеховѣ, видимо, невольно волнуютъ нашего писателя. Задаю ему вопросъ о Чеховѣ, о его «Чайкѣ»: видѣлъ ли Бунинъ «Чайку» до знакомства съ Чеховымъ или послѣ?

— Нѣтъ, съ Чеховымъ я тогда не былъ еще знакомъ. Я познакомился съ нимъ позднѣе, въ Ялтѣ, на набережной. Это было въ книжномъ магазинѣ Спшани, у ялтискаго Смрдина...

Улыбка озаряетъ и преобразуетъ лицо Бунина. Онъ рассказываетъ о первыхъ встрѣчахъ съ любимымъ писателемъ:

— Меня удивили его первыя слова, съ которыми онъ обратился ко мнѣ: «Что же вы не прѣхали прямо ко мнѣ?». Въ это время мною было напечатано очень мало. Главнымъ образомъ, стихи... — «Прѣзжайте завтра...» — Когда? — «Да часовъ въ семь утра». Признаться, я былъ удивленъ: Какъ? такъ рано? — «Мы встаемъ рано. Будемъ вмѣстѣ пить кофе. По утрамъ надо обязательно пить кофе. Это даетъ силы, и можно послѣ цѣлый день, не ѣвши работать...».

Таковъ былъ первый разговоръ Бунина съ авторомъ «Чайки», изображеніе распластанныхъ крыльевъ, которой еще до сего времени украшаетъ и занавѣсъ, и афиши театра. О своемъ первомъ посѣщеніи Чехова Бунинъ рассказываетъ:

— Встрѣтилъ онъ меня очень радостно и весело. — «А я тоже писалъ стихи», услышавъ я отъ него съ первыхъ же словъ. — «Я не подозревалъ этого». — «Нѣтъ, писалъ». И онъ прочелъ два свои стихотворенія, весело хохоча.

Бунинъ самъ весело улыбается и, не торопясь, читаетъ наизусть:

Шли однажды через мостик
Жирные китайцы,
Впереди их, задрав хвостик,
Поспывали зайцы...
Вдруг китайцы закричали:
«Стой! Лови! Ах! Ах!».
Зайцы выше хвост задрали
И попрыгали в кустах...

Вот одно Чеховское стихотворение, а вот и другое:

Графена Пантелевна!
Когда взята была Плевна,
Так солдаты отличались,
Даже турки удивлялись...

— Тут, — прибавляет Бунин, — Чехов подарил мне книгу своих рассказов. Она так просто и называлась: «Рассказы», и написал мне на ней эти два стихотворения...

В той же Ялте Бунин познакомился и со всей труппой Художественного театра. Это было, когда «художественники» приехали сюда в гости к Чехову показать ему свои постановки.

— Случилось это у Фанни Карловны Татариновой, гостеприимно принимавшей театр у себя на роскошной даче. На плоской крыше ее дома.

— Здесь я впервые говорю Бунин, замечать роман между Чеховым и Книппер. Она тогда была и казалась довольно высокой, стройной, крпкой дѣвушкой, но всем энергичной, с очень хорошим темным румянцем на дѣвичьих щеках, — так что Чехова я понимаю...

Бунин охотно и добродушно рассказывает о Чехове. Къ сожалѣнію, услышать отъ него что-нибудь новое о Горькомъ не удается. О Горькомъ, о встречахъ съ нимъ онъ писалъ не такъ давно послѣ его смерти — что же сказать новаго! Все, что онъ сказалъ, уже известно.

— Сталъ давать пьесы въ Художественномъ театрѣ и Горькій. Это были «Мѣщане», «На днѣ»... Пьесы Горькаго мнѣ никогда не нравились. Онъ былъ всегда сугубо, нарочито претенциозны и поучительны. Послѣ «На днѣ» его вызывали 19 разъ. Но это уже известно, какъ и то, что выходя на вызовы, блѣдный до зелени, онъ скидывалъ назадъ красно-рыжіе волосы, очень зло вглядываясь въ публику, повертываясь и уходя... Публикѣ это очень нравилось. Странная была тогда публика! Помню, какъ на одномъ вечерѣ, публика пришла въ полный восторгъ, когда Скиталецъ крикнулъ въ нее свой стихъ: «Вы жабы въ гнилѣ болотѣ»...

Бунинъ смѣется, и уже, не ожидая вопросовъ, вспоминаетъ о другихъ писателяхъ, пьесы которыхъ ставилъ Художественный театр — о Леонидѣ Андреевѣ, Юшкевичѣ, рано умершемъ Найденовѣ... О послѣднемъ Бунинъ вспоминаетъ съ большой симпатіей.

— Театръ поставилъ его пьесу «Сѣбны»... Пьеса успѣха не имѣла, но насколько помню, въ ней было что-то хорошее. Чеховъ сказалъ о Найденовѣ: «Какіе къ чорту, мы все траматурги! Единственный настоящий драматургъ, это — Найденовъ. Съ самой настоящей драматической пружиной внутри. Онъ долженъ еще десять пьесъ написать, девять разъ провалиться, а на десятой имѣть такой

успѣхъ, что ахнешь...». Мы были съ Найденовымъ въ большой дружбѣ...

— А вы, Иванъ Алексѣевичъ, такъ и не написали ничего для театра?

Бунинъ смотритъ на меня, и, какъ бы вспоминая, отвѣчаетъ:

— Въ Художественномъ театрѣ ставили въ моемъ переводѣ байроновскаго «Канна». Но это было уже, когда меня не было въ Россіи. Разговоры о постановкѣ начались очень давно, задолго до моего выѣзда въ эмиграцію. «Мы его поставимъ въ сухахъ», — говорилъ Станиславскій. Но это все, что я знаю объ этой постановкѣ. Не одинъ разъ Станиславскій, и Немировичъ убѣждали меня написать для нихъ. Предлагали даже стать артистомъ у нихъ, что меня страшно удивило. «Помните, — сказалъ я, — я и по сценѣ ходить не умѣю. Въдь она покатая». — «Ну, этому мы васъ научимъ, а на остальное васъ хватитъ»...

— Такъ что вы видите во мнѣ погибшаго артиста Художественнаго Театра! — кончаетъ эту часть разговора Иванъ Алексѣевичъ. И тутъ же, оживившись, возвращается къ заданному съ самаго начала вопросу о его первыхъ впечатлѣніяхъ о Художественномъ театрѣ. Онъ вспоминаетъ, о томъ, какъ въ ноябрѣ 1898 года онъ видѣлъ «Царя Феодора».

— И мнѣ многое тутъ понравилось, — говоритъ онъ. — Особенно раннее утро, когда царь Феодоръ выходитъ, зябко ежась, и обращается къ Аринункѣ... Феодора игралъ Москвинъ, Ириуну — Книпперъ... Въ тѣ же времена видѣлъ и «Чайку». Помню Мейерхольда — онъ игралъ Треплева. Игралъ истерически, мелко... Но за то въ «Чайкѣ» мнѣ очень понравилась Лилита, артистка вообще прекрасная. Они ставили еще «Власть тьмы». И въ общемъ неплохо ставили. Только пом-

ню, очень курьезное впечатлѣніе производила деревенская изба, которая до невѣроятности была загромождена крестьянскимъ скарбомъ, вывезеннымъ изъ Тульской губерніи... Чего тутъ только не было: корыто, лопаты, дуга, колеса, даже телега...

И опять бесѣда съ И. А. Бунинымъ какъ-то неизбежно обращается къ темѣ, которая, видимо, занимаетъ его въ настоящее время куда больше Художественнаго театра — о Толстомъ. Уходя отъ Бунина, невольно раздумывалъ о томъ, что изъ русскихъ писателей, навѣрно, никто еще, никогда, не былъ такъ полонъ мыслями о великомъ Толстомъ, какъ онъ, Бунинъ, который только что написалъ о немъ изумительную книгу, — предисловіе на русскомъ языкѣ и уже переведенную по-французски.

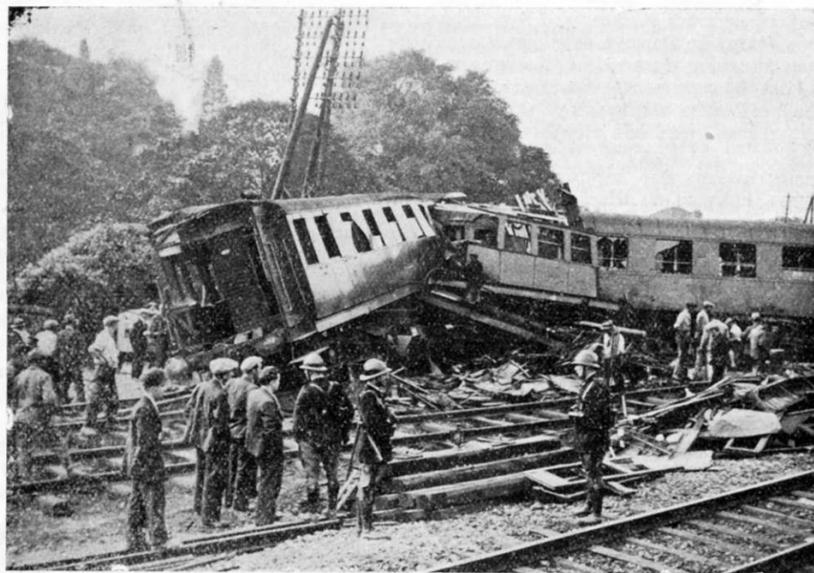
Лоллій Львовъ.

МАРКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА

Рисунокъ знаменитой марки заимствованъ нами изъ одного совѣтскаго изданія 1928 г. Любопытно, что на немъ новая орфографія соблюдена лишь наполовину: — сохраненъ твердый знак. Опечатка или своеобразное «соблюдение» стили?

Страшная катастрофа

На дняхъ подъ Парижемъ, на станціи Вильневъ - Сэнъ - Жоржъ произошла ж.-д. катастрофа, повлекшая многочисленныя жертвы. На нашемъ снимкѣ — разбитые деревянные вагоны, между стальными, которые оказались почти не поврежденными.

Нужно сказать правду — для гастролей Московскаго Художественнаго Театра въ Парижѣ выбранъ самый неудачный.

Въ августѣ мѣсяцъ парижане разѣзжаются. Театры за ничтожнымъ исключеніемъ закрыты. Правда — теперь выставка, и отсутствующихъ парижанъ замѣняютъ провинціалы и иностранцы. Но развѣ для нихъ прѣзжаетъ въ Парижъ театръ Станиславскаго и Немировича - Данченко?

Въ эмигрантскихъ семьяхъ прѣзды МХАТъ гызвалъ маленькія драмы. Множество русскихъ парижанъ въ августѣ бѣгутъ къ морю и въ горы. На этотъ разъ въ каждомъ домѣ возникъ вопросъ:

— Пожертвовать ли отдыхомъ ради «художественниковъ», или махнуть на театръ рукой, и ѣхать купаться въ Канны?

Многіе, скрѣпя сердце, рѣшили перемѣнить первоначальные планы; одни уѣхали въ июль съ тѣмъ, чтобы вернуться въ августѣ, къ началу гастролей; другіе побывали на первыхъ спектакляхъ и тотчасъ же уѣхали... Но у тѣхъ и у другихъ каникулы въ этомъ году были безповоротно испорчены. А многіе, связанные службой, и не имѣющіе возможности мѣнять дату отъѣзда, назначенную на августъ, такъ и не попадутъ на спектакли москвичей.

Нашлось не мало театраловъ, которые вообще пожертвовали своимъ лѣтнимъ отдыхомъ и остались въ Парижѣ, чтобы побывать въ любимомъ театрѣ.

— Подумайте, — говорятъ они, — когда еще придется увидѣть Качалова? Въ послѣдній разъ «художественниковъ» выпустили изъ Москвы въ 1924 году...

И, бравирюя лѣтнюю жару, затрачивая послѣдніе франки на билеты, они не пропускаютъ ни одного спектакля.

Графиня Л. Воронцова - Дашкова опубликовала въ газетѣ «Сегодня» свои чрезвычайно интересныя и въ историческомъ отношеніи цѣнныя воспоминанія объ отреченіи великаго князя Михаила Александровича.

Оказывается, послѣ своего отреченія Николай II прислалъ Михаилу Александровичу телеграмму, адресованную «Императору Михаилу Іѣ и подписанную «твой вѣрноподданный братъ Николай», въ которомъ убѣждалъ Михаила Александровича принять корону. Телеграмма эта загадочнымъ образомъ не дошла до великаго князя... Позже, въ бесѣдѣ съ графиней Воронцовой - Дашковой, Михаилъ Александровичъ сказалъ, что если бы онъ получилъ телеграмму государя, — она могла имѣть рѣшающее значеніе и, возможно, заставила бы его вступить на престолъ.

Кто знаетъ, какъ пошла бы вся русская исторія, если бы какой-то безвѣстный телеграфистъ не спряталъ въ столъ телеграмму отрешающаго государя?

«По жестокой ироніи революціи, — пишетъ графиня Воронцова - Дашкова, теперь въ Парижѣ живутъ, какъ эмигранты, жена великаго князя Михаила Александровича, княгиня Н. С. Брасова... и убійца великаго князя Михаила Александровича коммунистъ Мясниковъ, превратившійся въ «контръ - революціонера».

Добавимъ, что Мясниковъ живетъ въ Парижѣ подъ чужой фамиліей. Работаетъ онъ на заводѣ и тщательно скрываетъ отъ всѣхъ свое прошлое. Полиція внимательно слѣдитъ за бывшимъ чекистомъ, который держится въ сторонѣ отъ всякой политики.

Среди иностранныхъ балетныхъ артистовъ и артистокъ существуетъ весьма распространенное мнѣніе, что для успѣха нужно обладать русскимъ именемъ. Одна молодая англичанка избрала себѣ «русское» имя: Душа Эсприлова. Другая, шотландка по происхожденію, именуется себя Аллой Азановой.

Азанова дала когда-то нѣсколько своихъ вечеровъ въ театрѣ Елисейскихъ полей. Костюмы у нея были великолѣпные, — ихъ сдѣлали по рисункамъ лучшихъ французскихъ художниковъ. Все воздавали должное красотѣ и личному обаянію молодой женщины...

Газеты теперь сообщаютъ, что г-жа Азанова выходитъ замужъ за итальянскаго артисткрата, графа Андреа де Робиланте, отпрыска венеціанскихъ дождей. Бывшая «русская балерина» рѣшила порвать со всѣмъ русскимъ и стать подлинной итальянкой:

— Я верну балетъ въ Италію, — заявила она журналистамъ. — Я буду танцовать для Муссолини.

Неизвѣстно, какъ отнесется къ этому проекту «дуче», обладающій большимъ артистическимъ вкусомъ.

Чкаловъ, Байдуковъ и Бѣляковъ вернулись въ Москву, гдѣ имъ была устроена триумфальная встрѣча.

Отважные летчики много рассказываютъ о своихъ граничныхъ впечатлѣніяхъ, — о приемѣ у Рузвельта, о Нью - Йоркѣ и парижской выставкѣ. Но они обходятъ молчаніемъ свое путешествіе черезъ океанъ въ обществѣ Марлены Дитрихъ.

Летчики были представлены «божественной Марленѣ» и имѣли у нея большой успѣхъ. Злые языки утверждаютъ, что одинъ изъ «воздушныхъ капитановъ» не устоялъ передъ шармомъ голливудскаго «вампса».

Во всякомъ случаѣ, на вокзалѣ Сэнъ - Лазаръ, мы были свидѣтелями слѣдующей сценки. Авиаторамъ поднесли нѣсколько букетовъ цвѣтовъ. У самаго выхода, когда Марлена поравнялась съ ними, одинъ изъ сов. летчиковъ выдернулъ изъ букета красную розу и бросилъ ее Марленѣ...

Такъ какъ все трое женаты — мы утаимъ имя провинившагося.

Газеты въ свое время кратко сообщили о томъ, что близъ Монпелье, въ пустомъ сараѣ, былъ найденъ трупъ б. легіонера Георгія Потапенкина, убитаго какимъ-то острымъ оружіемъ, по всей вѣроятности ножемъ.

Но вотъ новыя подробности этого дѣла, еще неизвѣстныя нашимъ читателямъ.

Подозрѣніе въ убійствѣ немедленно пало на возлюбленную Потапенкина, 38-лѣтнюю итальянку Марію Чинго, которая исчезла наканунѣ убійства.

Отданъ былъ приказъ объ ея арестѣ.

На слѣдующій день Марія Чинго пріѣхала на такси въ Монпелье и добровольно явилась въ полицію.

— Я прочла въ газетахъ, что Потапенкина убили, и что меня разыскиваютъ, — заявила она. — Къ убійству я не имѣю ни малѣйшаго отношенія. Мы жили съ Потапенкинымъ плохо, онъ часто билъ меня. И я давно рѣшила съ нимъ разойтись... По несчастной случайности, его убили на слѣдующій день послѣ того, какъ мы разстались.

Повидимому, Марія Чинго представила полиціи достаточныя доказательства своей невиновности, ибо ее оставили на свободѣ.

Но какъ полиція Монпелье объяснить то обстоятельство, что паспортъ Маріи Чинго, находившійся въ кармайтѣ Потапенкина, таинственнымъ образомъ исчезъ? Для чего нуженъ былъ этотъ паспортъ убійцѣ?

Въ послѣднемъ номерѣ журнала «Красная» приведены классическіе примѣры газетныхъ «утокъ».

Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ парижскихъ газетъ 1919 - 1920 г.г., относящихся къ событіямъ въ Россіи:

«По слухамъ, пока не получившимъ подтвержденія, Троцкій повѣшенъ» («Матэнь», 1-го января 1920 г.).

Нить дней спустя тотъ же «Матэнь» печатаетъ очередную сенсацію: «Умеръ ли Ленинъ?»

Изъ Москвы сообщаютъ о смерти Карпова, а Карповъ — это старый псевдонимъ Ленина».

16 сентября 1919 г.: «Ленинъ свергнутъ. Онъ — арестованъ и содержится въ Кремлѣ. Власть перешла въ руки народнаго комиссара Держжинскаго и его сторонниковъ. Мѣсяць спустя «Матэнь» сообщаетъ: «Въ Москвѣ вспыхнула революція. Повстанцы захватили въ свои руки Кремль».

13 октября: «Юденичъ взялъ Петроградъ. Послѣ бомбардировки англійскихъ военныхъ судовъ, Кронштадтъ капитулировалъ».

Такихъ штатъ можно привести безчисленное множество. Кто соберетъ полную коллекцію газетныхъ «утокъ» о оссіи за послѣдніе 20 лѣтъ?

Скончавшійся въ С. Штатахъ «композиторъ джаза» Гершвинъ познакомился незадолго до смерти съ Игоремъ Стравинскимъ. — Я хотѣлъ бы, — сказалъ онъ автору «Жаръ - Птицы», — брать у васъ уроки...

Стравинскій удивился.

— Уроки чего? — Гармоніи, контрапункта... Конечно, я знаменитъ. Но моя музыкальная техника слаба.

Русской композиторъ помолчалъ и затѣмъ спросилъ:

— Дорогой Гершвинъ, скажите мнѣ откровенно, — сколько вы зарабатываете въ годъ?

— 300.000 долларовъ.

— Хотите давать мнѣ уроки?... Я чувствую, что въ этомъ отношеніи моя техника тоже хромаетъ!

Желѣзная Маска.